„Пров 38"
„Пров 45"

Современное народничество и аграрная эволюція.

Оживленіе общественной мысли, начавшее обнаруживаться въ первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, проявилось, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ нихъ было продолженіемъ стараго народничества 60-хъ и 70-хъ годовъ, другое стремилось приложить къ объясненію явленій русской экономической и соціальной жизни историко-философскую схему Карла Маркса. Рѣзкій антагонизмъ между этими двумя теченіями одинаково рельефно обнаруживался и въ области вопросовъ промышленной эволюціи, и въ сферѣ аграрныхъ отношеній.

Я не буду касаться первой изъ этихъ областей. Если марксисты и не имѣютъ основанія праздновать здѣсь полную и безусловную побѣду, то народникамъ, во всякомъ случаѣ, приходится признаться въ понесенномъ ими пораженіи, и ихъ прежнія мечты о своеобразномъ промышленномъ развитіи Россіи въ настоящее время почти не имѣютъ сторонниковъ. „Что бы ни говорили, какія бы архаическія мнѣнія ни навязывали своимъ противникамъ любители дешевой полемики,—говоритъ одинъ изъ выдающихся представителей современнаго народничества, г. Сухановъ,—отъ этого нисколько не измѣнится тотъ фактъ, что по вопросу о направленіи въ развитіи индустріи между этими фракціями (народническою и марксистскою) разногласій нѣтъ", причемъ въ частности „народники, несмотря на всѣ ошибки и нелѣпости противниковъ, не вышли изъ борьбы побѣдителями".

Иначе обстоитъ дѣло въ области аграрной эволюціи. Ортодоксальная марксистская схема, еще не такъ давно безраздѣльно господствовавшая въ аграрныхъ теоріяхъ міровой соціалъ-демократіи, утратила это господство. Жизнь доказала, что въ области вопросовъ промышленной эволюціи были ближе къ истинѣ марксисты. Но „та же жизнь,—говоритъ вспоенный и вскормленный на марксистскихъ ученіяхъ М. И. Туганъ-Барановскій,—доказала, что въ области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяй-

ствомъ не наблюдается". Еще въ 1899 г. Вл. Ильинъ доказывалъ, что разложеніе крестьянства на капиталистовъ, съ одной стороны, и пролетаріевъ—съ другой, уже не тенденція, а „совершившійся фактъ", что „крестьянство уже раскололось на противоположныя группы": на одномъ концѣ сельская буржуазія, охватывающая до пятой части дворовъ и сосредоточившая въ своихъ рукахъ не менѣе половины всего земледѣльческаго производства крестьянъ, съ другой—безлошадный и однолошадный сельскій пролетаріатъ, численность котораго не менѣе четырехъ десятыхъ всего нашего сельскаго населенія. Но уже въ 1903 году другой извѣстный теоретикъ марксистскаго лагеря, П. П. Масловъ, рѣшительно отказывается отъ прямолинейнаго приложенія марксовой схемы къ характеристикѣ существующихъ у насъ аграрныхъ отношеній. Онъ, наоборотъ, констатируетъ для всей почти территоріи европейской Россіи вытѣсненіе продовольственнымъ хозяйствомъ капиталистическаго и нивелировку крестьянской массы. Дифференціація и торжество капитализма и для Маслова необходимые спутники развитія производительныхъ силъ. Но такъ какъ у насъ наблюдается пока не развитіе ихъ, а паденіе, то естественно, что въ нашихъ современныхъ условіяхъ нѣтъ мѣста для дифференціаціи. Въ будущемъ эта послѣдняя, по мнѣнію Маслова, неизбѣжна: упадокъ производительныхъ силъ *долженъ* смѣниться ихъ развитіемъ, а такое развитіе *будетъ* сопровождаться капитализаціей и пролетаризаціей. Для будущаго такимъ образомъ марксистская схема выдерживается и у Маслова, но для настоящаго времени онъ рѣшительно отказывается отъ этой схемы. Удачна эта попытка примирить марксистскую схему съ русской аграрной дѣйствительностью,—этотъ вопросъ меня въ данную минуту не интересуетъ. Мнѣ важно только констатировать, что жизнь заставила искать такого примиренія. Другіе пошли еще дальше въ томъ же направленіи. Упомяну только о г. Лященко, который хотя и признаетъ подчиненіе нашего замледѣлія капиталу совершающимся фактомъ, но въ формѣ не промышленно-, а торгово-капиталистической: какъ въ домашней формѣ крупной индустріи, капиталъ овладѣваетъ не производственнымъ процессомъ, а только сбытомъ продукта, производимаго на мелкихъ предпріятіяхъ. А М. И. Туганъ-Барановскій, какъ мы видѣли, безъ всякихъ оговорокъ признаетъ, что марксистское теченіе въ области аграрныхъ отношеній потерпѣло рѣшительное пораженіе, и выступаетъ съ аграрною программою и аграрною теоріей опредѣленно народническаго характера.

Столкновеніе съ марксистскими теченіями не осталось однако безъ серьезнаго оживляющаго вліянія и на наше народничество. Чтобы отразить бурный натискъ марксистовъ, изслѣдователямъ народническаго направленія пришлось глубже войти въ изученіе фактическаго склада нашихъ аграрныхъ отношеній—пришлось раскопать тѣ горы подавляющаго

своею колоссальностью фактическаго матеріала, которыя за четверть съ лишнимъ вѣка были нагромождены земскою статистикою; теоретикамъ народническаго направленія пришлось, съ другой стороны, подвергнуть провѣркѣ свои теоретическія положенія, пришлось попытаться освѣтить такія стороны вопроса, которыя до тѣхъ поръ оставлялись безъ достаточнаго вниманія. Нельзя здѣсь прежде всего не отмѣтить заслугъ двухъ практическихъ статистиковъ — П. А. Вихляева и въ особенности Н. Н. Черненкова, которые, кажется, впервые подошли къ вопросу о дифференціаціи съ острымъ ножомъ детальнаго статистическаго анализа, и изъ которыхъ въ особенности второй далъ, въ полномъ смыслѣ слова, блестящіе образцы статистической критики и методологіи. А затѣмъ необходимо отмѣтить серію появившихся въ свѣтъ въ самые послѣдніе годы работъ обобщающаго характера, авторы которыхъ задаются цѣлью, съ одной стороны, установить дѣйствительный характеръ нашей аграрной эволюціи, а съ другой — провѣрить и пересмотрѣть теоретическія основы нашего аграрнаго народничества. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателя съ тремя изъ работъ этого типа, которыя въ своей совокупности даютъ, мнѣ кажется, достаточно ясное представленіе объ аграрныхъ исканіяхъ современнаго народничества. Это, во-первыхъ, коллективный трудъ „Борьба за землю“, изданный по иниціативѣ и подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя русскихъ аграрныхъ отношеній К. Р. Качоровскаго; во-вторыхъ, книга г. Огановскаго „Закономѣрность аграрной эволюціи“, и, въ-третьихъ, работа г. Н. Суханова „Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства“. Первая изъ этихъ трехъ работъ стоитъ всего ближе къ тому, что можно назвать народническою ортодоксіей съ ея преклоненіемъ передъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ; у г. Огановскаго появляется новая нота—онъ видитъ будущее аграрной эволюціи въ комбинаціи мелкаго и средняго сельскохозяйственнаго предпріятія; г. Сухановъ рѣшительно порываетъ съ народническою традиціей и выступаетъ сторонникомъ крупнаго производства въ земледѣліи, что, конечно, отнюдь не дѣлаетъ его сторонникомъ земледѣльческаго капитализма.

На послѣдующихъ страницахъ я намѣреваюсь познакомить читателя съ основными теоретическими идеями и съ главнѣйшими фактическими обобщеніями, нашедшими себѣ мѣсто въ названныхъ трехъ работахъ. Предварительно, однако, мнѣ кажется небезполезнымъ дать общую, такъ сказать, внѣшнюю характеристику каждой изъ этихъ работъ въ отдѣльности. Начну съ коллективнаго труда „Борьба за землю“. Въ этомъ трудѣ воплотилась часть результатовъ огромнаго коллективнаго же предпріятія, организованнаго К. Р. Качоровскимъ съ абсолютно непосильною для единичнаго изслѣдователя цѣлью—свести и систематизировать тотъ колоссальный статистическій матеріалъ, который собранъ земскими статистиками и который извлекался Качоровскимъ и его сотрудниками частью

изъ сотенъ томовъ печатныхъ сборниковъ, частью непосредственно изъ подлинныхъ, оставшихся неиспользованными, записей. Появившійся, пока единственный, первый томъ „Борьбы за землю“ состоитъ изъ трехъ монографій, принадлежащихъ перу гг. Быховскаго, Огановскаго и г-жи Фортунатовой, и введенія или предисловія, написаннаго К. Р. Качоровскимъ. Къ сожалѣнію, введеніе не можетъ не разочаровать почитателей этого выдающагося дѣятеля, къ которымъ я причисляю и себя. Вмѣсто скальпеля первокласснаго изслѣдователя онъ вооружается здѣсь скрижалями направленскаго или партійнаго пророка; „отблески будущей зари,—проницаетъ онъ,—уже рдѣютъ сквозь ночь, сквозь предразсвѣтный кровавый туманъ, въ борьбѣ творческаго труда за землю, въ борьбѣ народнаго трудового права за освобожденіе земли, во всѣхъ предтечахъ грядущаго великаго лозунга: *земля и человѣчество*“ (XLV). Какъ и подобаетъ пророку, г. Качоровскій поднимается безконечно выше всего остального человѣчества. Онъ противопоставляетъ свои изслѣдованія и обобщающія работы, въ которыхъ онъ стремится „только систематически констатировать факты, систематически же констатируя ихъ связь съ другими фактами и сопровождая эти констатированія гипотезой о причинномъ характерѣ этой связи“, всѣмъ прочимъ „господствовавшимъ апріорно-дедуктивнымъ „направленіямъ“ политической экономіи, стремившимся уловить нѣкоторыя метафизическія „внутреннія сущности явленій цѣнности и на нихъ построить теорію распредѣленія“ (XIII),—какъ будто выдвигаемая самимъ г. Качоровскимъ идея „народнаго трудового права“ не есть такая же „внутренняя сущность“ и не носитъ въ его построеніяхъ такого же метафизическаго оттѣнка. Онъ какъ бы монополизируетъ въ свою пользу „индуктивно-статистическій методъ, выводящій изслѣдованіе въ новую плоскость, поднимая надъ землею эмпиризмъ и спуская съ заоблачныхъ высотъ дедукцію какъ разъ на тотъ уровень, на которомъ земля еще видна во всей своей конкретности, но съ котораго уже отчетливо выступаетъ на ней рельефъ главныхъ общихъ ея очертаній“ (XLV). И какъ разъ въ самомъ этомъ введеніи онъ держится дедуктивнаго способа изложенія (XXVI), который доводитъ до послѣдней степени схематизма. Достаточно взглянуть на схему „типовъ производства“, получаемую изъ всѣхъ мыслимыхъ сочетаній четырехъ основныхъ признаковъ: размѣра производства, „характера цѣли“, „характера субъекта“ и участія въ производствѣ. Построенная такимъ образомъ схема г. Качоровскаго объемлетъ не только всѣ мыслимые, но и немыслимые или, во всякомъ случаѣ, реально несуществующіе типы; но эта нереальность не смущаетъ нашего автора: „вѣдь это отсутствіе,—говоритъ г. Качоровскій,—говорящее о неприспособленности данныхъ типовъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и распространенность другихъ типовъ, служитъ для выясненія смысла соціальной при-

способленности вообще и тенденцій ея измѣненія при разныхъ условіяхъ мѣста и времени въ особенности“ (XV—XVI). Дѣло однако—увы!—не въ одной только приспособленности или неприспособленности,—самъ г. Качоровскій въ подстрочномъ примѣчаніи признаетъ, что одну изъ клѣтокъ его схемы—„крупное, потребительное, частное, трудовое“ (sic) производство можно заполнить въ томъ лишь случаѣ, если подъ этотъ типъ подвести „крупнаго помѣщика, обращающаго данное свое имѣніе подъ охоту для себя лично“ (XVI—XVII)!... И главное, всѣ эти схематическія построенія не стоятъ ни въ какой дѣйствительной внутренней связи съ основными, существенно-важными идеями г. Качоровскаго, которыя въ сущности довольно элементарны и не отличаются особенною новизною. Это—необходимость, въ области сельскаго хозяйства, выдвинуть на-ряду съ задачею развитія производительности *труда* также и развитіе производительности *земли* (XXXVI),—и въ тѣснѣйшей связи съ этимъ схема фазъ развитія сельскаго хозяйства: простое „собираніе плодовъ“,—какъ въ охотѣ и рыбной ловлѣ; затѣмъ „извлеченіе продуктовъ“, какое мы видимъ въ экстенсивномъ земледѣліи, и третья фаза — накопленіе, „когда необходимая человѣку матерія не только извлекается изъ природы, но и воспроизводится въ ней“ — интенсивное сельское хозяйство (XXXVI—XXXVII). [1]) И эта схема имѣетъ у г. Качоровскаго самое непосредственное отношеніе къ коренному вопросу объ относительномъ значеніи и будущихъ перспективахъ захватнаго, капиталистическаго и трудового производства: „захватъ связанъ съ первымъ фазисомъ добыванія—собираніемъ, капиталъ связанъ съ вторымъ фазисомъ—извлеченіемъ“; онъ всегда „радъ снять золотыя сливки въ тѣхъ

---

[1]) Г. Огановскій, также полагающій во главу угла эволюціи земледѣлія принципъ развитія производительности *земли*, во второмъ томѣ своей монографіи даетъ взамѣнъ трехчленной схемы г. Качоровскаго болѣе сжатую двухчленную схему, типовъ сельскохозяйственнаго производства: *дробленіе* даровыхъ запасовъ природныхъ благъ—*развитіе* творческихъ процессовъ природы, причемъ всѣ разновидности перваго, хищническаго типа обнаруживаютъ *„дугообразное“* движеніе продуктивности труда; первыя затраты труда весьма мало продуктивны; съ улучшеніемъ техники производительность труда достигаетъ максимума, но затѣмъ рѣзко падаетъ по мѣрѣ истощенія даровыхъ запасовъ природныхъ благъ („Закономѣрность“, II, стр. 543, 548—550). Съ этимъ тѣсно связывается и предлагаемое имъ рѣшеніе рокового вопроса о пониженіи производительности труда — синонимъ Мальтусова закона уменьшающейся производительности земли. Признаніе факта такого пониженія—исходная точка теоріи г. Маслова. Г. Огановскій, какъ общій законъ, рѣшительно и—на мой взглядъ—вполнѣ основательно его отрицаетъ: такое пониженіе имѣетъ мѣсто *внутри отдѣльныхъ системъ хозяйства* и, въ частности системъ типа „истребленія“. Всякій переходъ къ новой, болѣе интенсивной системѣ, будучи связанъ съ развитіемъ производительныхъ силъ *земли*, ведетъ за собой и повышеніе производительности *труда*,—въ конечномъ же итогѣ производительность труда *растетъ* вмѣстѣ съ интенсификаціей, хотя и медленнѣе, чѣмъ въ индустріи (тамъ же гд. обр. 550, 558—559, 569).

моментахъ добыванія, гдѣ при минимумѣ затратъ получается максимумъ результата", но отъ него нельзя ожидать „осуществленія задачи высшей общественной цѣлесообразности",—задачи, которая можетъ быть разрѣшена лишь съ переходомъ въ фазисъ накопленія и развитія производительныхъ силъ земли. „Выполнитъ ли эту грандіозную задачу трудъ? Это покажетъ, конечно, только будущее, но, во всякомъ случаѣ, кромѣ него, некому" (XXXVIII—XXXIX). И отсюда конечный выводъ въ чисто народническомъ духѣ: „1) что захватъ не имѣетъ никакихъ шансовъ въ борьбѣ цѣлесообразностей и держится только политическою силою извнѣ; 2) что капиталъ обреченъ на отступленіе по мѣрѣ развитія цѣлесообразности въ сельскомъ хозяйствѣ; 3) что силой прошедшаго, настоящаго и будущаго въ сельскомъ хозяйствѣ, силой все укрѣпляющейся съ повышеніемъ въ немъ типа цѣлесообразности, оказывается трудъ" (XLIII).

Обращаемся теперь къ вошедшимъ въ разсматриваемую коллективную работу монографіямъ. Первая изъ нихъ принадлежитъ г. Быховскому и озаглавлена: „Предѣлы капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ". Цѣль этой работы — „путемъ технико-экономическаго анализа условій земледѣльческаго производства выяснить, какая форма земледѣльческаго хозяйства является наиболѣе выгодной съ точки зрѣнія рацiональнаго земледѣлія и развитія производительности, и каково, слѣдовательно, практическое положеніе и вѣроятное будущее капиталистическаго и некапиталистическаго земледѣльческаго производства" (3 стр.). Анализъ здѣсь „ведется хотя и индуктивно, но въ извѣстномъ смыслѣ апріорно: производится обозрѣніе сельскохозяйственнаго производства во всѣхъ его главнѣйшихъ моментахъ, по преимуществу во всѣхъ существенныхъ его особенностяхъ по сравненію съ остальными отраслями промышленности" (LIV). Выводы—обычные выводы ортодоксальнаго народничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и соціалъ-демократическаго ревизіонизма: „въ большинствѣ случаевъ и въ особенно важныхъ отношеніяхъ капиталистическое земледѣліе 1) или хотя и имѣетъ преимущества передъ мелкотрудовымъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, 2) или стоитъ въ разныхъ съ нимъ условіяхъ, 3) или, наконецъ, находится въ неблагопріятномъ по сравненію съ нимъ положеніи" (74 стр.). Поскольку капитализмъ въ земледѣліи цѣлесообразенъ,— „онъ цѣлесообразенъ лишь при отсутствіи кооперацій мелко-трудовыхъ производителей или общественныхъ коллективныхъ производствъ, предоставляющихъ всѣ эти преимущества и трудовому земледѣльцу" (76 стр.). Если капиталъ въ настоящее время торжествуетъ хотя бы только частичныя побѣды, это „не экономическое соперничество, а просто физическое вытѣсненіе; не капиталъ, а захватъ побѣждаетъ трудовое земледѣліе" (79 стр.). Уже сейчасъ „мелкое земледѣльческое хозяйство всту-

пило рѣшительно и безповоротно на путь усвоенія всѣхъ преимуществъ крупнаго посредствомъ обобществленія повсюду, гдѣ оно цѣлесообразно; и надо думать, что, разъ вступивъ на этотъ путь, оно дойдетъ до конца" (99 стр.). Какъ видитъ читатель, въ этихъ положеніяхъ нѣтъ абсолютно ничего новаго и оригинальнаго; нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго и въ аргументаціи г. Быховскаго—это не болѣе какъ перепѣвъ мотивовъ частью народническаго, частью соціалъ-демократическаго ревизіонизма, какъ онъ воплотился на Западѣ главнымъ образомъ въ извѣстной книгѣ Давида, у насъ—въ работахъ Каблукова, Булгакова, Косинскаго и очень многихъ другихъ.

Другое приходится сказать о работѣ г. Огановскаго: „Захватное, капиталистическое и трудовое земледѣліе въ Россіи". Это наиболѣе оригинальная и богатая содержаніемъ часть коллективнаго труда. Основною цѣлью г. Огановскаго было на фактахъ и цифрахъ провѣрить тѣ благопріятные для трудового и отрицательные для капиталистическаго хозяйства выводы, къ которымъ въ первомъ отдѣлѣ книги привелъ апріорный анализъ г. Быховскаго. Онъ прослѣживаетъ „эволюцію сельскаго хозяйства за послѣднія десятилѣтія, какъ она выразилась въ измѣненіи процентовъ разныхъ угодій, въ распространеніи разныхъ культуръ, въ примѣненіи разныхъ способовъ обработки и удобренія, въ системахъ сѣвооборота, въ примѣненіи машинъ, въ урожайности, причемъ во всемъ этомъ проводится сравненіе между хозяйствами помѣщичьимъ и крестьянскимъ и отчасти между разными группами въ крестьянствѣ" (LV). Въ дальнѣйшемъ намъ придется подробно познакомиться съ тѣми заключеніями, къ которымъ приводитъ г. Огановскаго анализъ фактическаго положенія крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства,—анализъ, основанный частью на самостоятельномъ изученіи статистическихъ источниковъ, частью на той сводкѣ разнаго рода данныхъ для характеристики нашего владѣльческаго хозяйства, которая была сдѣлана въ одной изъ работъ пишущаго эти строки. Въ настоящую минуту достаточно отмѣтить, что выводы г. Огановскаго чрезвычайно благопріятны для крестьянскаго и неблагопріятны для помѣщичьяго хозяйства. „Конкретный статистическій анализъ показываетъ, что развитіе производительности труда и особенно производительности земли идетъ успѣшнѣе въ мелко-трудовомъ, чѣмъ въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ" (тамъ же).

Однако г. Огановскій далеко не ограничивается посильнымъ разрѣшеніемъ задачи, поставленной ему по общему плану данной коллективной работы. Онъ даетъ, кромѣ того, очень сжато изложенный, но интересный по постановкѣ вопроса анализъ наблюдаемой въ крестьянствѣ внутренней диференціаціи, въ связи съ эволюціею всей совокупности условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Я рѣшился бы ска-

знать, что собственно здѣсь главный интересъ данной работы г. Огановскаго,—именно здѣсь его личный, самостоятельный вкладъ въ исторію изученія нашихъ аграрныхъ отношеній.

Третья часть коллективной работы принадлежитъ Е. И. Фортунатовой и озаглавлена: „Захватное, капиталистическое и трудовое землевладѣніе въ Россіи". Здѣсь „разсматриваются результаты хозяйственнаго соперничества захватнаго, капиталистическаго и трудового земледѣлія въ передвиженіи земли между захватомъ, капиталомъ и трудомъ"; или, выражаясь въ болѣе простыхъ и общепринятыхъ терминахъ, подвергаются изученію явленія мобилизаціи, и по преимуществу—междуклассовой или междусословной мобилизаціи земли. „Какъ и слѣдовало ожидать на основаніи предыдущаго анализа, захватное (=дворянское) землевладѣніе быстро вытѣсняется въ хозяйственномъ соперничествѣ; появляющееся за нимъ капиталистическое имѣетъ непрочный, скоро преходящій характеръ, постояннымъ же и прочнымъ побѣдителемъ въ экономической борьбѣ за землю оказывается въ Россіи трудъ". Какъ видитъ читатель, эти выводы не отличаются особенною новизной; достаточно общеизвѣстенъ и тотъ фактическій матеріалъ, которымъ оперируетъ г-жа Фортунатова. Для насъ поэтому эта работа не представляетъ особеннаго интереса, хотя для читателя, желающаго ориентироваться въ вопросѣ о мобилизаціи земли въ Россіи, знакомство съ нею будетъ весьма полезно—работа г-жи Фортунатовой даетъ ясное и во всемъ существенномъ правильное представленіе о совершающихся въ Россіи процессахъ передвиженія поземельной собственности.

Таково существенное содержаніе появившейся въ свѣтъ первой части коллективнаго труда „Борьба за землю". За нею имѣла послѣдовать вторая часть, въ которую долженъ былъ войти рядъ монографій на общую тему „Потребительно-трудовое хозяйство". О предстоящемъ выходѣ этой второй части публиковалось еще въ 1908 году, и повидимому для нея уже давно выполнена огромная работа по выборкѣ и сводкѣ статистическихъ матеріаловъ, могущихъ служить къ характеристикѣ русскаго крестьянскаго хозяйства. Къ величайшему сожалѣнію, эта вторая часть не вышла въ свѣтъ и по настоящее время. Нѣкоторымъ суррогатомъ ея повидимому предназначена служить „Закономѣрность аграрной эволюціи", принадлежащая перу того же Н. П. Огановскаго, ближайшаго сотрудника К. Р. Качоровскаго въ организованной имъ колоссальной работѣ по объединенію и анализу матеріаловъ земской статистики. Работа г. Огановскаго задумана чрезвычайно широко. Первый ея томъ, съ которымъ мы главнымъ образомъ будемъ имѣть дѣло на послѣдующихъ страницахъ, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: одного, посвященнаго обзору „теорій капиталистическаго развитія", въ частности—критикѣ ученій и построеній двухъ наиболѣе видныхъ теоретиковъ марк-

систской школы, Вл. Ильина и Маслова, къ которымъ г. Огановскій присоединяетъ еще хотя и близкаго къ марксизму, но занявшаго самостоятельную позицію, г-на Лященко; и другого, долженствующаго дать характеристику „общаго хода и фазисовъ аграрной эволюціи". Второй томъ озаглавленъ „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи". Цѣль его — дать историческое обоснованіе намѣченной въ I томѣ схемы фазисовъ аграрной эволюціи [1]), какъ третій, еще не вышедшій томъ имѣетъ обосновать эту схему на данныхъ „живой исторіи"—на изученіи территоріальныхъ развитій въ складѣ аграрныхъ отношеній. Авторъ желаетъ дать въ своемъ трудѣ ни болѣе ни менѣе, какъ общій пересмотръ всего ученія объ аграрной, въ значительной мѣрѣ и вообще объ экономической, эволюціи. Г. Огановскій не считаетъ возможнымъ принять ни одной изъ господствующихъ въ экономической наукѣ схемъ экономической эволюціи. Въ противоположность Бюхеру онъ полагаетъ, что „почти на всемъ протяженіи исторіи обрабатывающая промышленность не знала эпохи натуральнаго хозяйства, такъ какъ хозяйство, спеціализировавшееся на индустріи, не можетъ быть натуральнымъ, самопотребляющимъ, ибо продуктами индустріи питаться нельзя". Съ перваго же момента, когда обществу сталъ нуженъ классъ лицъ, занимающихся переработкою сырья, „продукты производства этого класса становятся объектами обмѣна", и такимъ образомъ „разницы по существу, разницы качественнаго характера между различными эпохами въ эволюціи индустріи не существуетъ" (139 стр.). Съ другой стороны, г. Огановскій, до извѣстной степени примыкая къ взглядамъ Зомбарта, рѣшительно отрицаетъ общеизвѣстную марксистскую схему генезиса индустріальнаго капитализма:„ органическаго развитія, полагаетъ онъ,—внутренней дифференціаціи первоначальной неопредѣленной однородности—ремесленниковъ—въ дѣйствительности не было. Связная опредѣленная разнородность пролетаріевъ и капиталистовъ выросла извнѣ—сверху и снизу тонкаго слоя ремесленниковъ и поглотила его лишь настолько, насколько тотъ или другой видъ ремесла допускалъ механизацію" (146 стр.). Несомнѣнно происходящая при этомъ концентрація капиталовъ въ верхнихъ слояхъ капиталистическаго общества „обѣднѣнія нижнихъ слоевъ за собою не влечетъ; не влечетъ она и пролетаризаціи самостоятельнаго класса ремесленниковъ, который, напротивъ, даже растетъ",—откуда окончательный выводъ: „ортодоксальная теорія обнищанія, теорія внутренней органической дифференціаціи въ эволюціи распредѣленія средствъ производства и доходовъ индустріи и торговли оказывается несостоятельною" (149 стр.).

---

[1]) Этотъ 2-й томъ вышелъ въ то время, когда настоящій очеркъ былъ уже совершенно готовъ къ печати, и потому использованъ мною лишь въ очень ограниченной степени. Всѣ цитаты, кромѣ немногихъ, особо отмѣченныхъ, относятся къ I тому.

Аграрныя отношенія также не вкладываются въ ходячую бюхеровскую схему. „Понятіе „натуральное хозяйство“,—говоритъ г. Огановскій,—смѣшиваютъ съ понятіемъ „замкнутое“, то-есть „самопотребляющее“. Между тѣмъ это вещи существенно различныя: „*производство* крестьянскаго трудового хозяйства всегда было, есть и будетъ преимущественно натуральнымъ; что же касается до *потребленія*, то, напротивъ, крестьянское хозяйство никогда не было въ этомъ отношеніи „замкнутымъ“, самопотребляющимъ“ (154 стр.). Какъ въ средніе вѣка „крестьянское хозяйство и потребленіе не было чисто натуральнымъ“, а было смѣшаннымъ, натурально-мѣновымъ, такъ оно осталось натурально-мѣновымъ и въ настоящее время; въ настоящее время только „доля продуктовъ крестьянскаго производства, идущая въ обмѣнъ, можетъ быть больше, чѣмъ въ средніе вѣка“; болѣе существенная разница въ томъ, что „въ средніе вѣка крестьянинъ продавалъ и продукты индустріи и сельскаго хозяйства, а теперь преимущественно одни сельскохозяйственные продукты“ (156 стр.). Что касается до утверждаемой марксистами потери крестьянами самостоятельности, то, напротивъ, „современное крестьянское хозяйство гораздо болѣе самостоятельно“, нежели когда бы то ни было въ предыдущія эпохи (тамъ же). Само собою разумѣется, что г. Огановскій категорически отрицаетъ ортодоксально-марксистскую теорію дифференціаціи крестьянства, противоставляя ей свою собственную, очень любопытную схему. Этой послѣдней намъ однако будетъ удобнѣе коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же мы остановимся только на взглядахъ нашего автора касательно общей эволюціи сельскаго хозяйства. Эта послѣдняя опредѣляется тремя основными факторами, впрочемъ далеко не одинаковыми по своей важности и значенію. [1]) На первомъ мѣстѣ стоитъ ростъ населенія и его потребностей. Это „самостоятельный факторъ эволюціи сельскохозяйственнаго производства, оказывающій на ея ходъ наиболѣе сильное вліяніе; сельскохозяйственное производство должно всегда стоять на такомъ уровнѣ, чтобы сумма продуктовъ находилась въ равновѣсіи съ суммою потребностей населенія“,—при современномъ міровомъ характерѣ снабженія сельскохозяйственными продуктами оно „должно находиться въ состояніи равновѣсія съ суммою потребностей мірового населенія“. Второй по важности факторъ—степень культурности населенія. „Культурное развитіе дѣйствуетъ и косвеннымъ, и прямымъ путемъ. Косвенно оно увеличиваетъ потребности; прямо—воздѣйствуетъ больше всего на уровень „техники“ производства“, въ смыслѣ примѣненія усовершенствованныхъ орудій; напротивъ, „сте-

[1]) Г. Огановскій рѣшительно отвергаетъ и во 2-мъ томѣ своей „Закономѣрности“ весьма убѣдительными соображеніями теорію г. Лященко, который во главу угла эволюціи сельскаго хозяйства кладетъ главнымъ образомъ условія *сбыта* продукта (см. особенно II, стр. 538—540).

пень интенсивности хозяйства зависитъ отъ культурнаго уровня населенія гораздо меньше, чѣмъ отъ густоты населенія": культурное населеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ведетъ крайне экстенсивное хозяйство, тогда какъ въ некультурномъ Китаѣ, подъ вліяніемъ значительной густоты населенія, сельское хозяйство достигло крайне высокой степени интенсивности; „степень густоты населенія, независимо отъ культурнаго уровня, отражается на *степени интенсивности системъ хозяйства*, культурный же уровень вліяетъ на *технику производства внутри данной системы*". Наконецъ, третій опредѣляющій факторъ— это „племенныя и расовыя черты, точнѣе, привычки быта разныхъ племенъ и народовъ"; прежде всего—привычки въ пищѣ, имѣющія преобладающее вліяніе на подборъ разводимыхъ растеній и животныхъ, затѣмъ привычка къ опредѣленнымъ формамъ разселенія, землепользованія и землевладѣнія. Это, однако, факторъ, которому принадлежитъ лишь третьестепенное значеніе, наибольшее же значеніе г. Огановскій, на мой взглядъ совершенно правильно, признаетъ, какъ мы видѣли, за густотою населенія (стр. 175—177). Этому фактору г. Огановскій приписываетъ преобладающее вліяніе не только на мелкое, крестьянское, но и крупное, капиталистическое хозяйство („Борьба за землю", стр. 147). И въ этомъ г. Огановскій, конечно, совершенно правъ, потому что отъ густоты населенія, на первомъ мѣстѣ, зависятъ и цѣнность земли, и условія рабочаго рынка, и условія спроса на продукты,—значитъ, вся совокупность условій, на которыхъ покоятся расчеты сельскохозяйственнаго предпринимателя. Менѣе правъ нашъ авторъ, когда въ „различной плотности населенія на крестьянской и владѣльческой территоріи" видитъ основную причину утверждаемой имъ отсталости помѣщичьяго хозяйства по сравненію съ крестьянскимъ (тоже, стр. 141). Густота населенія имѣетъ, конечно, опредѣляющее значеніе, но вліяетъ населенность *цѣлой мѣстности* или района, *а не отдѣльной дачи*, отдѣльнаго владѣнія; условія хозяйствованія опредѣляются не тѣми полуторами или двумя десятками служащихъ и батраковъ, которые составляютъ населеніе даннаго имѣнія, а населенностью всего района, который поставляетъ рабочія руки и предъявляетъ спросъ на землю и продукты. Да и самый характеръ вліянія населенности на владѣльческое хозяйство совсѣмъ не тотъ, что на крестьянское. На послѣднее „утѣсненіе" дѣйствуетъ въ значительной мѣрѣ механически,—крестьянинъ, даже въ лучшемъ случаѣ, лишь тогда преодолѣваетъ свою массовую инертность и рѣшается на существенную интенсификацію земледѣлія, когда земля перестаетъ кормить сгустившееся населеніе. Раціонально ведущій дѣло сельскохозяйственный предприниматель руководствуется планомѣрнымъ расчетомъ, въ который мѣстная густота населенія входитъ лишь какъ одинъ изъ опредѣляющихъ элементовъ.

Едва ли правъ г. Огановскій и въ своей оцѣнкѣ значенія культуры на разныхъ ступеняхъ эволюціи хозяйства. „Всякая система хозяйства,—говоритъ онъ,—можетъ быть культурною и дикой; чѣмъ культурнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе въ немъ усовершенствована механическая сторона". Между тѣмъ эта механическая сторона играетъ преобладающую роль именно въ экстенсивномъ хозяйствѣ. „Въ интенсивномъ хозяйствѣ увеличивается количество пріемовъ подготовки почвы, т.-е. затраты живого труда, и возникаетъ усиленное примѣненіе удобренія и разныхъ мелiорацій", а во всѣхъ этихъ отношеніяхъ „культурное интенсивное хозяйство не отличается отъ некультурнаго" („Закономѣрность", стр. 185). Затѣмъ въ интенсивномъ хозяйствѣ является вторая стадія—уходъ за растеніями. Это—„стадія почти исключительно ручного труда"; культурный уровень „не накладываетъ различія на способы ухода, и китайскіе или манчжурскіе мужики ухаживаютъ за растеніями не хуже, если не лучше, европейскихъ" (стр. 186). И конечный выводъ: „по мѣрѣ интенсификаціи орудія теряютъ свое значеніе", а между тѣмъ „изъ трехъ элементовъ производства—орудій, пріемовъ труда и удобренія"—только первый элементъ—орудія—зависитъ отъ уровня культурнаго развитія (стр. 187).

Было бы слишкомъ долго останавливаться здѣсь на выясненіи понятія культуры и культурности—достаточно сказать, что „культура" отнюдь не синонимъ *европейской* культуры, и что едва ли правильно противопоставлять якобы „некультурныхъ" китайскаго, корейскаго, ферганскаго земледѣльца „культурному" русскому, венгерскому или даже итальянскому мужику. Но даже если не выходить изъ поля зрѣнія г. Огановскаго, развѣ „культура", развѣ *европейская, научная,* культура даетъ сельскому хозяйству *только* усовершенствованныя орудія, которыя, въ самомъ дѣлѣ, въ экстенсивномъ хозяйствѣ часто бываютъ лишь орудіями усовершенствованнаго хищничества?... Достаточно вспомнить объ искусственныхъ удобреніяхъ, о методахъ сохраненія влаги, о селекціи сѣмянъ, о постепенной раціонализаціи сѣвооборотовъ, о раціональномъ кормленіи скота, чтобы убѣдиться въ томъ, что *роль культуры не убываетъ* съ интенсификаціей земледѣлія, *а, напротивъ, растетъ.* И да проститъ мнѣ уважаемый авторъ—въ данномъ случаѣ онъ взялъ на душу не малый грѣхъ, присоединяясь къ числу тѣхъ, кто отдѣляетъ технико-экономическій отъ культурнаго вопроса.

Впрочемъ, этотъ грѣхъ г. Огановскій блистательно загладилъ въ другомъ направленіи. Какъ извѣстно, и теоретики, и въ особенности практическіе дѣятели народническаго направленія очень склонны затушевывать или замалчивать культурно-агрономическую сторону нашего аграрнаго вопроса, сводя послѣдній исключительно къ „малоземелью". Г. Огановскій, напротивъ, считаетъ особенно важнымъ подчеркнуть, что

„развитіе производительности земли во многихъ районахъ Россіи уже въ ближайшіе годы должно перейти въ фазисъ интенсификаціи сельскохозяйственнаго производства“ („Борьба“, стр. 109). Анализъ цифровыхъ данныхъ о распредѣленіи угодій показываетъ, что „въ центрѣ у крестьянъ трехполье достигло своего апогея“; что „идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, крестьянство отвело подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы, несмотря на продолжающійся приростъ населенія. Очевидно,—заключаетъ отсюда г. Огановскій,—на пути расширенія запашекъ центральному крестьянству дальше итти нельзя—оно уперлось въ глухую стѣну сопротивленія природы истощенію почвенныхъ богатствъ“. На востокѣ—въ области еще доживающаго свой вѣкъ залежнаго хозяйства—крестьяне еще продолжаютъ итти по пути расширенія площади посѣвовъ; но „глухая стѣна, ставшая на этомъ пути въ центральныхъ районахъ, не далека отъ крестьянъ и въ восточныхъ районахъ“ (стр. 115). И выходъ изъ этого положенія только одинъ—интенсификація сельскохозяйственнаго производства...—неизбѣжный процессъ, который, между прочимъ, значительно увеличиваетъ шансы мелкаго крестьянства. Это послѣднее a priori весьма вѣроятное предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ западныхъ, болѣе интенсивныхъ районахъ начавшаяся интенсификація хозяйства сопровождается нѣкоторымъ расширеніемъ крестьянскихъ запашекъ: крестьяне, „не останавливаясь передъ увеличеніемъ затратъ труда на ту же площадь, безъ боязни могутъ даже нѣсколько увеличивать свои посѣвы“. Напротивъ, у частныхъ владѣльцевъ площадь запашки замѣтно сократилась,—„при интенсификаціи земледѣлія оно становится невыгоднымъ крупному капиталистическому хозяйству“ (стр. 115—116),—указаніе, которому я склоненъ придавать особое значеніе въ виду все еще не прекращающихся толковъ о томъ, что интенсификація хозяйства встрѣчаетъ какія-то специфическія затрудненія со стороны условій рынка, дѣлающихъ болѣе интенсивныя формы хозяйства невыгодными для крестьянъ; какъ будто „выгодно“ для нихъ обусловливаемое теперешними экстенсивными системами постоянное недоѣданіе, перемежающееся съ періодическимъ голоданіемъ и въ конечномъ счетѣ ведущее къ той „подвижкѣ внизъ“, о которой мнѣ придется говорить на послѣдующихъ страницахъ...

Таковы нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ мыслей и обобщеній г. Огановскаго,—другихъ сторонъ его работы намъ придется коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Къ сожалѣнію, трактовка предмета не соотвѣтствуетъ богатству содержанія и оригинальности мысли г. Огановскаго. Задавшись очень широкимъ планомъ, авторъ работалъ, очевидно, наспѣхъ, мало заботясь о полнотѣ и систематичности изложенія и аргументаціи. Изложеніе у него поэтому крайне расплыв-

чато и необработано, многое только намѣчено и требуетъ дальнѣйшаго развитія, многихъ первостепенно-важныхъ вопросовъ г. Огановскій касается лишь попутно съ критикою построеній корифеевъ марксистскаго направленія. Сама по себѣ его книга нерѣдко только ставитъ, но не разрѣшаетъ вопросы, только возбуждаетъ, но не разсѣеваетъ недоумѣнія. Но уже неоднократно подчеркивавшаяся мною свѣжесть и оригинальность мысли г. Огановскаго, при огромной его освѣдомленности въ фактическомъ матеріалѣ, обязываетъ меня высказать пожеланіе, чтобы г. Огановскому дано было довести до конца свою несомнѣнно значительную работу.

На книгѣ г. Суханова мы въ этомъ мѣстѣ можемъ долго не останавливаться,—въ противоположность книгѣ г. Огановскаго она отличается концентрированностью содержанія, будучи болѣе или менѣе цѣликомъ посвящена разработкѣ тѣхъ собственно двухъ большихъ вопросовъ нашей аграрной эволюціи, которыхъ намъ придется подробнѣе коснуться во второй части нашего очерка. Здѣсь я могу поэтому ограничиться немногими замѣчаніями. Я долженъ прежде всего отмѣтить, что работа г. Суханова стоитъ совершенно независимо отъ коллективнаго труда К. Р. Качоровскаго и—я смѣю такъ выразиться—его школы. Это—всецѣло его личный трудъ—личный и по постановкѣ вопросовъ, и по разработкѣ фактическаго матеріала, въ теоретическомъ же освѣщеніи вопроса о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ г. Сухановъ рѣзко расходится со взглядами, нашедшими себѣ выраженіе въ работахъ г. Качоровскаго и его сотрудниковъ. Г. Сухановъ идетъ къ той же цѣли, но идетъ своими, во многомъ совершенно самостоятельными путями. Его теорія крупнаго и мелкаго хозяйства, какъ бы къ ней ни отнестись по существу ея конечныхъ выводовъ, представляетъ собою полезную реакцію противъ тѣхъ увлеченій и односторонностей, въ которыя нерѣдко впадаютъ защитники и сторонники мелко-крестьянскаго хозяйства. Можно, опять-таки, какъ угодно относиться и къ конечнымъ выводамъ статистической части труда г. Суханова, равно какъ и къ тѣмъ методологическимъ предпосылкамъ, которыми онъ обставляетъ анализъ данныхъ, относящихся къ явленіямъ дифференціаціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—это не умаляетъ цѣнности статистической работы г. Суханова, которая во всякомъ случаѣ остается одною изъ наиболѣе цѣнныхъ по своей планомѣрности и систематичности попытокъ разобраться въ необъятномъ земско-статистическомъ матеріалѣ, намѣчающею путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи.

Въ совокупности своей всѣ три работы, которыя мы пытались охарактеризовать на предыдущихъ страницахъ, представляютъ собою чрезвычайно цѣнный вкладъ въ сокровищницу изученія нашихъ аграрныхъ отношеній. Цѣнное въ нихъ останется, преходящее прейдетъ. Такимъ

преходящимъ является, конечно, ясно выраженный партійный характеръ всѣхъ трехъ работъ. Этотъ партійный характеръ проявляется уже во внѣшнемъ видѣ всѣхъ трехъ изданій. Онъ съ совершенною ясностью выражается въ пророчествахъ г. Качоровскаго о „будущей зарѣ", уже „рдѣющей сквозь предразсвѣтный туманъ". Но особенно рѣзко партійный характеръ выраженъ въ работѣ г. Суханова. Приступая къ изслѣдованію вопроса о дифференціаціи, онъ подчеркиваетъ „практическій интересъ" вопроса, „поскольку именно съ нимъ связанъ вопросъ о необходимости для соціалистической партіи явиться партіей чисто-пролетарской или же „пріобщить къ движенію другіе элементы" (стр. 99). И на послѣдней страницѣ книги онъ подчеркиваетъ значеніе полученныхъ результатовъ все съ той же точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія открытія для соціалистической партіи „необходимаго и единственнаго поля дѣятельности въ сферѣ содѣйствія возникновенію новыхъ хозяйственныхъ формъ" (стр. 408). И, къ сожалѣнію, обычнымъ у насъ спутникомъ партійности является доводимая до послѣдней крайности нетерпимость ко всѣмъ „несогласно мыслящимъ". Мы не приводимъ полемическихъ красотъ, въ изобиліи встрѣчающихся у разбираемыхъ авторовъ, но не можемъ не замѣтить, что давно пора обѣимъ сторонамъ, и марксистамъ и народникамъ, бросить подобнаго рода полемическіе пріемы, которые въ концѣ-концовъ являются не столько данью искренности убѣжденія, сколько, попросту, признакомъ дурного тона и невоспитанности.

А. Кауфманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)